

АБ МИШЕ (Анатолий КАРДАШ)

Старая-старая песня

Кочевое племя осело на землю, стало строить государство. Тёплый плодородный край, стык морей и гор, торговый перекрёсток мира – завидное место. И соседи стали из рук в руки рвать лакомый кусок – восемь столетий войны выжимали из цветущей земли живой сок – пленных или беглых евреев. Их расплескивало по миру - создалось то состояние евреев, которое деликатно обозначается изящным греческим словом *диаспора* («рассеяние») или мрачно по-еврейски *галут* («изгнание») – жизнь в чужой земле.

1960-е годы. Космический бум, общесоветский восторг. На орбите – третий космонавт Андриян Николаев. В городе Пензе квадратная тётка презрительно скривилась: «Нашли кого в космос посылать – чуваша!...» Тётка была – мордовка. То не анекдот – быль. Ещё верней: притча. Мордовка не любит чуваша, чуваш – татарина, татарин – русского, русский – японца... Бесконечная цепь... В Торе «возлюби пришельца!» – чуть ли не самый частый повтор, больше 30 раз: «Книга мудрых» знает, что это трудней, чем «не убий» и «не укради», это – себя бороться, нутро своё, изначально заряженное враждой к пришлому, иному, чужому...

Евреи в галуте не были **чужими**.

Евреи были **суперчужими**.

Мир язычников: суматошный мир богов-божков-идолов-кумиров, весёлая свобода гульбы, убийства, совокуплений, предательств... А евреи служат одной Верховной Силе, Творцу Вселенной и Высшей Правды, Он избрал евреев на это Святое служение, вот их главная забота на суетной земле. Основополагающая Книга евреев Тора определяет всю жизнь избранного народа от религиозного ритуала до обыденного поведения. По Торе вожди народа не столько цари или военачальники, сколько пророки-носители Божественной истины. Главное для еврея: Бог с его моральными

и социальными установками; земное же самоустройство народа, государство - вторично.

Так было в древнем еврейском государстве. Тем более так определилось евреям после утраты государства. А их единый Бог, Всемогущий и Справедливый требовал от своего народа немислимое для современников-иноверцев: «не убивай» посреди весёлых гладиаторских боёв, за 7 веков до Христа.

В мире, возносящемся, как на китах, на рабах, на их поте и крови, евреи запретили жестокое обращение с ними, ввели раба в круг домашних как родного, вплоть до права наследовать одинокому хозяину. Беглого раба везде возвращали хозяину, а евреи укрывали. Единоверца евреи вообще больше шести лет в рабстве не томили – освобождали.

Хоть бы и раб, а высок был у евреев человек. Язычника, перед богами ничтожного, сообщал с ними жрец – еврей же, лишившись Храма и священнослужителей, возносил молитву Богу самолично, как бы на равных. (По анекдоту: из Иерусалима к Богу самый дешёвый разговор по телефону – «местная связь»).

А в быту? Против общеантических весёлых привычек у евреев серые будни: ни кровной мести, ни радостей прелюбодеяния, ни пьянства, женская строгость, семейная крепость... Много из-за чего на языческом пиру страстей еврейский Бог гляделся угрюмым трезвенником, его не то, что привечать – терпеть сил не наберёшься.

В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Евреи – пришли. Более того, посчитали свой устав лучшим, справедливейшим. И себя избранными тот устав внедрять: «спасти» мир. В иврите «галут» от «галуй» («открытый») – открыть свет иудаизма тёмному человечеству.

Кто не любит себя? Любовь так соблазнительно подпереть сравнением себя с другим: тот, разумеется, глупее или злее, или слабее, жадней, трусливей – хуже. «Себя не похвалишь – ходишь, как оплётанный» - поговорочка была такая. В анекдоте о чукче русский черпает самоуважение. В Израиле ашкеназ смеётся над марокканцем, тот над ашкеназом, вместе – над курдом. «Все в дерьме, один я в белом фраке». Папуасы Новой Гвинеи обозначают словом «человек» только себя, прочие люди этого не заслуживают. Папуасы не простодушнее просвещённых

эллинов или римлян, для кого окружающие народы – низкопробные варвары.

Зигмунд Фрейд и Эрих Фромм учили: нарциссизм – одна из основ поведения как личности, так и сообщества. Народ шьёт себе белый фрак из легенд и мифов.

Наиболее утешительна идея избранности, особого предназначения. Русские или поляки призваны, оказывается, состыковать европейскую и азиатскую культуры, (у русских в ходу и обратный вариант: Россия – заслон Европы от Азии, тоже почётная миссия), армяне несут Востоку ценности античности и христианства, для китайцев центр Земли – Китай, нацисты спасают мир от еврейского зла. Евреи со своей Богоизбранностью оригинальны разве что приставкой «Бого». Хотя и русские к себе ту приставку приладили, и татаро-монголы Чингиз-хана считали себя предназначенными Свыше установить на земле порядок и мир.

А евреям-то уж точно сам Бог велел великую Роль. «Не для чего иного Всевышний рассеял Израиль среди народов, но лишь для того, чтобы приумножать среди них обращённых в иудаизм» – говорится в Вавилонском Талмуде. Еврейскому духу, уязвлённому потерей страны, было тут самоуспокоение и утешение; народу, ошарашенному военными поражениями, – высокое оправдание жизни в галуте, борьбы за благополучное её устройство.

Но спасаемые вовсе не рвались на еврейский свет из «тёмного» своего угла, привычного, тёплого. У евреев запрет педерасти, а Рим благодушно потешается над гомосексуальной связью великого Цезаря: «Галлов Цезарь покоряет, Никомед же Цезаря»; и другой император, Адриан во 2 веке уже н.э. воздвигал статуи своего любовника. У евреев «не прелюбодействуй», а древние спартанцы согласно законам Ликурга (8 век до н.э.) отдают жену более сильному соплеменнику для зачатия крепких воинов. У евреев: «Не должно быть блудницы из дочерей израилевых» [Второзаконие, 23:17], а великий греческий законодатель Солон (7 век до н. э.) узаконил проституцию в Афинах и от её доходов выстроил храм Афродиты. Кому что по сердцу? «Только ли света в окошке, что у евреев?» – мог резонно сомневаться грек, за спиной которого маячили Сократ и Аристотель, Демокрит и Гиппократ, Пифагор и Перикл, Фидий и Гомер – великая

красота и великая мысль, плоды языческой вольности, столь презираемой евреями.

Ицхак Бер, израильский историк, пишет о временах после 6 века до н.э.: «Антисемитизм возник как неизбежная реакция окружающих народов на экзальтированное ощущение евреями своего религиозного превосходства и своей миссии... такое «высокомерие» особенно раздражало по контрасту с реальным бессилием еврейского народа». Максим Горький, темпераментный юдофил, назвал то же чувство «высокомерия» «религиозным аристократизмом всего народа».

У человеческой психики своя механика. Идея Миссии и Избранности легко трансформируется в гордость, а гордость, умножившись на национализм, ущемлённый чужеземными поработителями, на пламенный пафос духовных вождей, на «очевидное» преимущество своего быта над обычаями окружающих язычников – в гордыню. Массовое сознание древних евреев пропитывается ощущением собственного превосходства, настолько сильным, что они, храня свою чистоту, отказываются даже от браков с инородцами – носителями идолопоклонческой «скверны».

Предназначились евреям а) отмежевание от иноверцев и б) смычка с ними. В первом случае Бог говорит евреям: «Будете Моим дражайшим уделом из всех народов» [Исход, 19:5] и «Вот устав Пасхи: никакой иноплеменник не должен есть от неё» [Исход, 12:3]; во втором случае тот же Бог: «Мой дом назовётся домом молитвы для всех народов» [Ишяху, 56:7]. Два противоположных вектора – еврейское хитроумие сочтало их, но в силовом поле галута они удивительно повернулись в одну сторону, в сторону юдофобии.

Евреи куют своё счастье среди других народов: у них нет хлопот созидания собственного государства; они много образованнее остальных – их царица Александра еще в 75 г. до н.э. ввела всеобщее обязательное обучение грамоте, включая девочек; еврейский образ жизни - добрый быт и честный труд; сверх всего у них взаимовыручка, та самая солидарность, знамя которой Иерусалим, зыбкое марево истории и религии – всем тем выстеливается дорога, часто успешная на зависть. И располонивается еврейская душа соблазнами: принадлежать к древнему иудейскому племени и сохранять сегодняшнее теплое место. (Филон Александрийский (1 век): «Своей метрополией они считают Священный Город [Иерусалим]...

но родиной своей они считают те страны, которые достались им как местожительство... и в которых они родились и были воспитаны». (Написано 2000 лет назад, а что сейчас? В нынешней России, по выражению одного из тамошних еврейских лидеров, евреи живут в общем безбедно, «кучеряво». Из того благополучия они, однако, не перестают оглядываться на ближневосточную обетованную землю. А раздвоение, расщепление еврейского сознания у эмигрантов в Германию или США, их до патологии распухшая любовь к Израилю, комплексы вины и израильского ура-патриотизма? В Австралии сегодня в еврейской общине проходят «Курс молодого еврея», чтобы приобщить молодежь к еврейской традиции). И здесь, и там. А выходит: ни здесь, ни там.

То, что галутный еврей не живёт в иерусалимской земле – его лично-еврейская забота, однако то, что он приживала в пространстве диаспоры – уже дело не только его, но и народа – хозяина, чей здоровый инстинкт требует: чужака убрать, устранить!..

Историк Леон Поляков писал об античном мире: «В обычное время простонародье не обращало особого внимания на евреев и не испытывало против них никаких особых предубеждений» [Л.Поляков. История антисемитизма. Эпоха веры. Москва-Иерусалим, 1997, с. 12]. Трудно, однако, поверить в безразличие к чужаку, который к тому же упорно самоотгораживается. Еврейский трактат 2 века до н. э. запрещает помогать при родах язычнице, поскольку она производит идолопоклонника.

Представляется более верным замечание другого историка древнего мира Соломона Лурье: носителем антисемитизма является именно толпа, а не власть, которая лишь следует за народным чувством. [С. Я. Лурье. Антисемитизм в древнем мире. Тель-Авив, 1976, с. 79, 98]. (Мысль С. Лурье – на все времена. Двадцатый век: «Союз русского народа», «Народные партии» антисемитов в разных странах – тут слово «народ» на месте).

Чтобы располыхаться пожарами погромов, народному чувству надо разогреться. Это забота идеологов, интеллигенции: простой человек вроде собаки – «понимает, а сказать не может».

О говорунах известия идут прямо оттуда же, из библейских времён. В 6 веке до н.э. пророк Второисайя наставляет евреев: «Не бойтесь поношения от людей и злословия их не страшитесь. Ибо как одежду съест их моль...»

[Ишayahу, 51:7-8]. В другом переводе: «опадут они, как одежда, траченная молью» - ещё красивее, но насчёт моли, т.е. последствий, пророк – увы! – слишком оптимист. Историками отмечен уже в 405 г. до н.э. первый еврейский погром в египетском городе Элефантине; всего только пять евреев убито, но лиха беда начало.

Погромная ситуация отчётлива в еврейской Книге Эсфири – написана в 4 в. до н.э., а сюжет связан со временем персидского царя Ахашвероша (Артахсеркса), 5 в. до н.э. Злодейский министр Аман из-за неповиновения одного еврея требует в отместку истребить всех евреев поголовно. «Окончательное решение еврейского вопроса» - а до Гитлера ещё две с половиной тысячи лет!..

«Поношение» и «злословие», упомянутые Ишayahу, уточняются с 3 века до н.э. Египетский жрец и историк грек Манефон спроецировал в еврейскую Тору бытовавшее в то время народное (греческое, египетское) представление о нечистоплотности евреев. Согласно Торе среди «казней египетских», которыми Бог наказывал египтян, была кожная болезнь. После этого евреи ушли из Египта. Манефон писал свою историю по еврейским преданиям, но творчески. Он объяснил: Бог карает грешника, грешен в Египте тот, кто не поклоняется египетским богам, таковыми были евреи – значит, они-то и есть изгнанные грешные египтяне, отмеченные кожной болезнью, «паршой». Парша – знак низкого происхождения, и этим злодеям-египтянам присущи все пороки «подлого сословия»: лживость, неблагодарность, уродство, лицемерие... Зародыш будущих рассуждений о еврейском злодействе и о «низшей расе».

Корнелий Тацит через 300 лет после Манефона, не обременяя себя правдивостью и потому убедительно развил его представления об еврейской мерзости: «Иудеи считают богопротивным все, что мы признаем священным, и, наоборот, все, что у нас запрещено как преступное и безнравственное, у них разрешается. В своих святилищах они поклоняются изображениям животного [осла]... при этом режут баранов, будто нарочно, чтобы оскорбить бога Аммона; убивают быков, потому что египтяне чтут бога Аписа.иудеи охотно помогают друг другу, зато ко всем прочим людям относятся враждебно и с ненавистью. Они ни с кем не делят ни пищу, ни ложе, избегают чужих женщин, хотя до крайности преданы

разврату и в общении друг с другом позволяют себе решительно все; они и обрезание ввели, чтобы отличать своих от всех прочих».

Манефон жил в 283-246 гг. до н.э. В самые те времена, в 240 году до н.э. еврейская Тора явилась народам Библией – на греческом языке. Её перевод, *Септуагинта*, был выполнен по заказу евреев Александрии, крупнейшего средиземноморского города, чья процветающая еврейская община подбиралась к 200 тысячам человек (сорок процентов городского населения) – они, ассимилированные, уже настолько сроднились с языком греков, что иврит стал им малопонятен, а греческий – родным.

Знак эпохи. Евреев поманила греческая культура, греков – еврейская. Грек Гекатей в историческом романе хвалил еврейские законы и нравы. Еврейский мыслитель Филон Александрийский провозглашал греческих философов «святыми». Еврейские умы питались учёными и литературными трудами греков.

В домах еврейских законоучителей детей учили на греческом, а хозяин дома мог зваться по-гречески Антигоном или Птоломеем. Евреи обозначали греческими словами утварь, одежду, должности, учреждения («синагога» от греческого *synagōgē* – «собрание»); они переименовали свои города Рабат-Амон в Филадельфию, Акко в Птолемаиду. Еврейские переводчики Септуагинты в книге Левит (11:6) в перечне нечистых животных слово «заяц» - по-гречески *lagos* заменили на *dasypous* - «мохноногий», чтобы не задеть греческую династию Лагидов-Птоломеев. Даже богослужение еврейские священники вели на греческом языке, на иврите проговаривая лишь отдельные фразы.

Греческие ристалища манили еврейских юношей. Чтобы голыми, подобно грекам, выступать, не стыдясь, они шли на мучку операции, удаляющей следы позорного обрезания. Греки считали обрезанного мужчину уродцем и импотентом – это отпугивало от принятия иудаизма тех, кто соблазнясь еврейской религией, учёностью и моралью, тянулся в синагогу – их было немало, называемых *sebomenoi* – «почитающие» еврейского Бога без перехода в еврейскую веру.

Стыковались две цивилизации. А греческая чернь завидовала еврейской зажиточности, и в хитросплетениях политики и экономики, симпатии и вражды – вызревала своим чередом юдофобия.

Философ и историк Посидоний (135-50 гг. до н.э.) тоскливо наблюдал, как рассеянные по всему свету евреи помогают друг другу выжить, а то и обрасти богатством. Посидоний в своей школе на острове Родос высказал идею о всесии мирового еврейства – впоследствии она оформится в теорию «мирового еврейского кагала» или, по-нынешнему, «мирового жидомасонского заговора». Зачин «Протоколов сионских мудрецов»!

Замечательно липло к евреям поношение! «Безбожники», «человеконенавистники»... Ещё один грек Аполлоний Молон привнёс: «фанатики, бездари» – и, распалась, припечатал: «еврей-трусы».

По тем временам такое не лезло ни в какие ворота: евреи славились как воины ещё с той поры, когда оба их царства – Израиль на севере и Иудея на юге – годами, неумоимо и самозабвенно противостояли много более могучим имперским армиям ассирийцев и вавилонян.

Война в древности часто была священным делом, религиозным занятием. Но одно дело язычники, другое – народ Единого Бога. С ним в битве заодно не какой-нибудь Марс, а Всемогущий Бог всей Вселенной. Меч древнего еврея направляла Вышняя длань, оттого и его самозабвенная неистовость в бою.

Римские историки, скрепя юдофобскую свою душу, честно писали о доблести евреев в войнах против римлян. Дион Кассий: «Полководец Юлий Север не осмелился напасть на евреев, видя их численность и отчаянную храбрость». Александр Македонский всю свою империю завоевал с 32 тысячами солдат, но для взятия Иерусалима в Иудейскую войну римлянам потребовалось 80-тысячная армия против двадцати трёх тысяч воинов-евреев.

А за двести лет до того, в Египте, где правили греческие цари династии Птоломеев, до тридцати тысяч еврейских солдат составляли гарнизоны местных крепостей; евреи были полицейскими, таможенниками на Ниле, стражниками на беспокойной границе с Нубией; евреи Ониас, Досифей, Хелкия и Ханания становились главнокомандующими египетским войском. Это во 2 веке до н.э., как раз во времена Аполлония Молона. Но что юдофобу факты! Он, собственно говоря, и еврейскую трусость определил довольно туманно: «Евреи в бою подменяют храбрость безумной и дерзкой отвагой». Про отвагу не услышалось, отсутствие храбрости – отпечаталось в умах клеймом на тысячелетия.

Аполлоний Молон один год, 78 г. до н.э., преподавал в школе Посидония на Родосе. Именно в тот год среди родосских слушателей был блестящий римский оратор Цицерон (106-43 гг. до н.э.). Он-то и повёз идеи своих учителей в Рим. С. Лурье называет Цицерона первым и наиболее рьяным антисемитом в римской литературе. Первый, но далеко не последний. Отличились и воспитатель Нерона философ Сенека, и популярные поэты Ювенал и Марциал. Философ Цельс через 400 лет после Манефона довел его соображение об евреях, как потомках «шарлатанов и бродяг», изгнанных из Египта, до утверждения, что евреи – беглые египетские рабы. А раб, всем тогда было ясно, - презираем, его нрав отвратен, его помыслы грязны. Образное мышление людей греко-римского мира не замедлило перенести понятие «грязный» на физический облик еврея, и родило устойчивое до наших дней: «вонючий еврей».

Идеи зудят в мозгах, а чешутся руки. Юлий Цезарь благосклонно принял евреев, им, единственным из всех покорённых Римом народов, даровали полную религиозную и бытовую независимость, еврейская римская община благоденствовала, в 1 веке из шестидесяти с лишним миллионов жителей империи к иудаизму склонялись три миллиона – почти пять процентов. Но что же остальные 90-95 %? Показателен следующий факт. Покорителям Иерусалима Веспасиану и Титу по римскому обычаю полагались триумф и титул с обозначением покорённого народа «Император Иудаикус», однако они, все почести приняв, отказались от слова «Иудаикус»: «Император жидовский» худо звучало для римского уха. Евреи, при всём римском почтении к их воинской доблести, оказывались как-то пониже германцев или, скажем, даков. И достаточно было при императоре Тиверии (19 г.) римской матроне пожаловаться на двух евреев-жуликов, как были закрыты римские синагоги, их утварь сожжена, 4 тысячи еврейских юношей отправлены воевать с разбойниками в Сардинию, а остальные евреи – выселены.

Особое место среди древних юдофобов занимает александрийский грек Апион (30 г. до н.э. – 47 г) – популяризатор малоизвестного до него древнегреческого обвинения евреев. В одной из своих книг Апион написал, что греческий царь Антиох Епифан видел в иерусалимском храме грека, возлежавшего за столом, полным яств. Грек, обливаясь слезами, поведал императору, что он – жертва иудеев: каждый год они

откармливают очередного эллина, чтобы потом убить его, отведать внутренностей и над трупом поклясться в вечной ненависти к греческому народу.

Апион - образованный и честолюбивый авантюрист, умело создавший себе имя великого учёного (Сенека: «Вся Греция была полна его славы»), был на редкость речист. Он уверял греков, что ночами беседует с тенью Гомера или что видел собственными глазами совокупление дельфина с человеком – и ему верили. За четыреста лет до Апиона несравнимо грандиознее его учёный, философ Демокрит рассказал, что евреи в своём храме каждые семь лет приносят в жертву чужеземца, кромсая его тело. Слова великого Демокрита греки пропустили мимо ушей, говорливого Апиона – услышали.

Вскоре после появления апионовой байки еврейский историк Иосиф Флавий разоблачил её нелепость: не говоря об отсутствии человеческих жертвоприношений у евреев, в указанной Апионом части храма невозможно даже появление язычника-грека. Но что с того? Обвинение евреев в ритуальном убийстве оказалось потрясающе живучим. Оно – ни разу не подтверждённое фактами! – прокатывалось из века в век кровавыми волнами погромов вплоть до 1913 года (дело Бейлиса в Киеве). Почтенный римлянин Тацит (55-120 гг.) повторил миф Апиона, через 1800 лет во Франции аворитетный публицист Э. Дрюмон писал: «Факт убийства христианских детей евреями столь же очевиден и несомненен, как солнечный свет... То, что евреи в средние века постоянно совершали ритуальные убийства, неоспоримо доказано». (Ещё и сегодня в Польше можно встретить бесхитростных старичков, которые оправдывают гитлеровский геноцид тем, что и евреи убивают христианских младенцев для пасхальной мацы. Ещё и сегодня в городе Москве добрая русская няня еврейского мальчугана, жалея его, отнимает у ребёнка мацу: «Не ешь, там кровь». И сегодня министр захолустной, правда, страны, но два университета отучившийся, в частной беседе интересуется: «А вправду евреи подмешивают в свою мацу христианскую кровь?» Тут как тут, конечно, и еврей, себя секущий, - уже в Израиле 21 века некий профессор, он же сын раввина глубокую свою мысль публикует: оно хоть не доказано, но очень может быть, что отдельные евреи кое-где кое-когда таки да умучивали христианское дитя).

Идеи Апиона со-товарищи (а их хватало) не раз становились материальной силой: среди её вершинных взлётов – погром в Александрии в 38 году. Толпы греков громили еврейские лавки, дома и синагоги, евреев били, волокли по улицам, жгли, распинали... «Глас народа – глас божий» – римская пословица. И римский наместник Флакк, недолго поколебавшись, унял погромщиков, приказав публично высечь еврейских старейшин, а затем в угоду александрийской черни запретил евреям соблюдение субботы, поставил в синагогах статуи императора, заставил еврейских женщин публично есть свинину – потешил толпу, утешил.

Минуло три года, в Риме на императорском троне психопата Калигулу сменил Клавдий, он вернул александрийским евреям прежние права, воспряла еврейская община – а в 68 году опять погром, и опять громили волокут евреев по городу, а затем сжигают на костре. Евреи поднялись защищаться с такой свирепостью, что правитель города Тиберий Александр – еврей на службе у Рима – направил против них два легиона римских солдат. В итоге боёв были убиты 56 тысяч евреев, их квартал разграблен. Усердствовали не римские солдаты, а горожане-греки, отмечает С. Лурье, подчеркнув ещё раз погромную инициативу толпы – не власти.

Александрийские евреи в древнем мире были самые, сленгом нынешним выражаясь, продвинутые. В ассимиляцию. Дозволенная им самостоятельность в религии и внутриобщинном быту, дарованное равноправие и собственная образованность расцвели завидным благополучием. И самоупоением. Но «усиление ассимиляционных тенденций в еврействе всегда вызывало быстрый рост антисемитизма, - пишет С. Лурье. – Чтобы ненавидеть человека, надо придти с ним в тесное соприкосновение; кто держится вдали от нас, того мы не знаем и не можем питать к нему сколько-нибудь сильных чувств».

Сам С. Лурье причину античного антисемитизма находил всё-таки не в ассимиляции, а как раз в противоположной особенности еврейского народа. Евреи диаспоры, по его словам, стали народом рассеяния – не религиозной группой (вера их была не столь сильна, древние евреи часто бывали склонны подладиться к окружению), а национально-государственной единицей, развивающейся среди чужих народов. «Каприз истории», - говорит С. Лурье. Исключительный в древнем мире случай: расцвет в

народе, не имеющем земли (и власти), сильного национального чувства, не связанного «не только с политическим могуществом, но и с политической независимостью... Евреи в отличие от других народов сохранили своё национальное самосознание и свои национальные обычаи... Для того, чтобы такое «национальное государство без территории» могло просуществовать, для того, чтобы евреи не были истреблены... у них должен был развиваться целый ряд своеобразных национальных особенностей». Среди таких особенностей С. Лурье отмечает сплочённость, взаимопомощь, упрямое, вопреки враждебности, достижение жизненной цели – это вызывает у «хозяев» страны недоверие и страх. Единение евреев ради самозащиты выглядит всеильным жидовским кагалом, воюющим со всем миром.

Соблазнительно столкнуть здесь исследователей того периода.

Эрнест Ренан (французский историк христианства): «Закон Моисея, создание экзальтированных утопистов, одержимых великим социалистическим идеалом... принадлежал исключительно гражданскому обществу, сложившемуся параллельно с религиозным обществом... Нация, которая отдаётся религиозным и социальным вопросам, погибает в политическом отношении. С того дня, как Израиль сделался «уделом Бога, царством священников, народом святых», ему уже было предназначено быть не таким народом, как все другие. Нельзя совмещать противоречивые назначения; превосходство всегда искупается каким-нибудь недостатком.

...этот народ вечно мечтал о некоторой международной; его идеал не город, а синагога; это свободная конгрегация» [Э. Ренан. Антихрист. Ленинград, 1991, с. 101-102].

С. Лурье: «Существование такого «народа апостолов»... невероятно... он, вследствие своей полной непригодности к жизненной борьбе, был бы в короткий срок уничтожен... Вдобавок, такое представление никак не уживается с историческими данными. Несмотря на антисемитизм и нравственные гонения, евреи... прекрасно преуспевали в практической жизни.... Не только пророки, праведники и учёные, но и практические дельцы, думавшие прежде всего о том, как бы сколотить хорошее состояньице, пользовались у евреев всеобщим почётом».

Истина, похоже, как обычно, посредине. Наверно, в становлении национального самосознания евреев диаспоры религия всё-таки играла

роль бóльшую, чем предполагал С. Лурье. Его соображение о евреях галута как нации выслеживается в древних обращениях евреев ко Всевышнему: «Благословен Ты, о, Господь, Бог наш... Который избрал нас среди других народов...» «Нас» - молящийся толкует не об одном себе, а о народе, общности, нации. Богоизбранность у евреев тесно увязалась с понятием нации. Крупнейший современный религиозный философ раввин Мордехай Каплан вычеканил: «Тора символизирует истину, которая гласит, что нация становится таковой не вследствие наличия общих предков... но вследствие согласия тех, кто создаёт её... сделать своё общее прошлое источником вдохновения для общего будущего... Нация - не боевая единица, а культурная группа».

Э. Ренан, христианин и часто автор антиеврейских передержек, подметил социально-экономические и психологические мотивы древнего антисемитизма: «В первом веке нашей эры мир... видел своего учителя в этом чужеземце, неловком, робком, обидчивом, не отличающимся внешним благородством, но честном, нравственном, прилежном, в делах – прямодушном, одарённом скромными добродетелями, не воинственном, но хорошем коммерсанте... Еврейская семья, исполненная обетований, синагога, в которой протекала общинная жизнь, полная прелести, внушали зависть. Столько смирения, такое спокойное отношение к преследованиям и обидам, способность находить утешение... в своей семье и своей Церкви, тихая радость..., благодаря которой он [еврей] видит счастье даже в самом своём подчинённом положении... - всё это внушало аристократической древности припадки дурного расположения духа, которые иногда выливались в виде гнусных жестокостей.

В сирийских городах... евреи составляли богатую часть населения; богатство это... отчасти обуславливалось несправедливостью, освобождением от воинской повинности. Греки и сирийцы, среди которых производился набор в легионы, были обижены... Происходили вечные распри. ... Нерон разрешал все... вопросы не в пользу евреев; это ещё более обостряло вражду. ... Молодёжь бранилась, вступала в драку».

Коснувшись психологии, грех не дать слово З. Фрейду. В его предсмертной книге «Этот человек Моисей» среди причин юдофобии отмечены и те психологические мотивы, которые будто нарочно нацелены угнездиться хоть в мозгах, хоть в душах, хоть в подсознании толпы: «Евреи

всегда живут как меньшинство среди других народов, а массовое чувство солидарности нуждается, для полноты, в ненависти к чужеродному меньшинству, которое своей малочисленностью и слабостью так и приглашает к насилию над собой...

Более фундаментальные мотивы антисемитизма уходят корнями в далекое прошлое; они скрыты в подсознании.. Я дерзну утверждать, что зависть, которую евреи вызывают у других народов, настаивая на своей избранности Богом-Отцом, все еще таится в сердцах окружающих народов, тем самым как бы подтверждая эти еврейские претензии».

Столетий галутного существования евреев, наверно, достаточно, чтобы неприязнь к ним, начавшись, возможно, по Фрейду с зависти к избранному народу, подпиталась последующим мифотворчеством и, дозрев до полнокровной ненависти, внедрилась в коллективное бессознательное окружающих народов, стала по терминологии К.Г. Юнга «архетипом, изначальным образом», во многом наперёд определившим отношение к евреям.

Из причудливой мешанины древних юдофобских представлений соткался дивный мир, названный сегодня «латентным антисемитизмом» - «бездумное восприятие и воспроизведение антисемитских стереотипов... передаваемых из поколения в поколение... Он характерен для аморфного состояния группового сознания» (израильский учёный Л. Волович).

Юдофобские стереотипы, «первообразы» выражались в мифах, в учёных и художественных творениях, подкреплённых почтением к их заслуженным авторам, или в анонимных фольклорных байках, анекдотах, поговорках, прозвищах. Шутки, усмешки, вроде бы безобидные. («Жид по верёвочке бежит» - ну, что, в самом деле, задиристого? И смысла вроде бы никакого... Ан нет: я, нееврей, не бегаю по верёвочке, да если и хотел бы – не смогу, не удержусь. А он, вертлявый, удержится, не свалится, насекомое хватистое...)

«Бессознательное – не просто реактивное отражение, а самостоятельная продуктивная деятельность... в качестве сферы опыта оно выступает как особый мир, особая реальность» - писал К.Г. Юнг.

И стоит проявиться какому-нибудь возбуждающему усилию, политическому, социальному, религиозному, как мирная эта неприязнь преобразуется в юдофобию, воинствующую до неистовства, до крови, до

смерти. До десятков тысяч трупов в погромах 1 века, отбушевавших после начала восстания Иудеи против римлян в 66 г.

Так звучали финальные аккорды древней юдофобии, возросшей из естественного неприятия чужака, говоря по-простому, «нутряной» или, научнее, «стихийной», «спонтанной».

«Окна» (Израиль), 5 и 12 апреля 2007 г.